

2.3 Стенания у затворённых врат

Если личность исследователя, быть может вполне осознанно, изымает себя из предмета рассуждений, устраняет свой исследовательский ум, свой скальпель хирурга – живописца мысли – от того, о чём доносит нам исследуемый предмет, образ... если исследователь не является собратом в вере мастеру – творцу исследуемого... если за видимым художественным образом не восстаёт объединяющий образ Христа, Которого воистину исповедуем едиными усты, единым сердцем, в Котором и мы – едины по человечеству, по духу стяжаемой благодати... образ Которого бережно несём в себе и усиливаемся в пре-подобии – Единому... Воспринимаем ли то, что вложено, что про-

изнесено образом? Насколько извращается в нас, нами нашим без-образом про-износимое нам через образ? Вспоминается из пастырских назиданий от святых отец: на просьбу к святому от нечестивца о том, чтобы старец показал своего Бога – следует ответное предложение - показать своего человека, способного увидеть... Можно ли и нам, несущим в себе духовный труп внутреннего человека, надеяться на верность понимания образа, верность его толкования? Требуется ли нам что иное, кроме молитвы об оживотворении. Избавит ли верное понимание символа от гибели, наступившей в нас и усугубляющейся над нами. Можно помышлять о свободе ума, о правомочности анализа, разложения исследуемого предмета на составные части, элементы познания. Умерщвляем при этом свою смертностью и объект нашего исследования, рассматривая его по частям. Не исследим, не разлагаем на части Три-Единый Бог. И допустимо ли нам говорить, помышлять тут о живительном синтезе, о том, что общее животворное начало, единый с мастером общий нам Христос - вос-принимается вне контекста времён - мною и моим братом во Христе мастером Феофаном... Если так – благослови, Господи, воспринять образ Твой.

Вне со-общения во Христе как и помыслить о взаимном проникновении с образами мастера. Общий ли Христос для мастера иконописца и для мастера мысли об иконописи, - разделены эти мастера временем и объединены ли Христом вне-временным? Соединяет ли этих мастеров Бог, воспринимаемый ими в Чаше причащения Единому? Только внутри этой общности, этого единения можно бы говорить, обнадёживаясь истинностью рассуждений. Иначе, внешнее суждение обречено на уклонение от Истины, поскольку проистекает от неприятия Её. Свет будет казаться – грезиться мраком изнутри собственной омрачённости, Жизнь – смертью из чревища собственной гибели, рассуждение об эстетике будет выхолощенным и пустым, пусть и блистательным, словно форма, лишённая содержимого. Будто бы рассуждающий о тонком вине вынужден говорить о том имея перед собою один лишь блистающий – и пустой – кубок. Можно вечно рассуждать о чаше, о её достоинстве, гранях... и ни разу не испить из него драгоценного напитка, не испытать ни вкуса, ни радости, ни послевкусия... ни похмельного синдрома... Не полно, никак не насытит рассуждение о форме без полноты ведения о содержимом, без вкушения, без восприятия того, что форма содержит собою. Вот и появляются, как следствия детального анализа – абсолютно чуждые нам (не станем утверждать об Истине) – чуждые - нам заключения, обобщающие суждения чуждых умов о мраке, об отчаянии мастера Феофана, об от-решённости от мира, отчаянии в достижении плодов духовного дерзновения... и прочем, не имеющем никакого отношения ни к задачам художника, ни к духовным состояниям философа, ни к творческим про-явлениям деятельного образотворца – изографа Феофана.

И так, в имеющейся литературе о фресках мы находим скрупулёзный аналитический разбор, буквально, раздробление по составным частям иконного целого, которое дробится и скрупулёзно рассматривается в нюансах, из-учается по мельчайшим частицам, а далее производится некий синтетический обзор, экзегетический извод, эксод из обобщающих суждений, которые усиливаются из частей, умерщвлённых анализом, как бы о-живить, воссоздать живое пространство образа, усвоить себе образ в таком вос-созданном синтезированном варианте. Зачастую, вос-создаваемый образ буквально лучится струями умозаключений о нём, но оказывается словно бы умерщвлённым в суждениях о нём по существу, показывается нам в этих суждениях, словно бы не имеющим в себе духа жизни,

проявляющегося образом Перво-образа, Живого Бога. Как тогда, воспринимая образ через суждения о нём, либо пользуясь этими суждениями, отделить мёртвое от живого. Следовать ли в личном уразумении мнениям, казалось бы, непререкаемых авторитетов искусство-ведения, рас-суждения, толкования образа, разобранного по частицам... Или же простираться к восприятию, непрестанно противореча, противопоставляя свои суждения, личную экзегезу... Каково из этих суждений истинно, и жива ли Истина среди этих суждений, об-суждений, рас-суждений досужих или же скороспелых, выношенных и продуманных. Где Он, Судия мнениям, мерило благоразумия в том, что изречено нами... Восстань, Феофан, рассуди здраво. Нам в твоей живописи от-зывается Жизнь Вечная. Кому-то, - и это чрево-вещание распространено широчайше, - веет от-чаянием, от-решением от жизни, унынием, тёмной мистикой... Нельзя не разделить с высоко-чтимыми оппонентами их мнений о том, что живопись эта – предельна. Вопрос о том, каков этот предел: это ли предел фантазийного, бес-цельного, пустотного, без-надёжного от-решения художественного творчества от человеческого естества? Или предел максимально возможного развития человека, распространяющегося, присоединяющего себя и присоединяемого – к беспредельности Бога? Это ли предел в удрученности святостью или предел вовлечения в святость, к которой призвано всё сотворённое, о которой стенает и мучается вся тварь, ожидая обращения сынов Божиих. Это ли предел от-чуждённости от Бога в невозможности достигнуть единения с Творцом ... и тогда это от-чуждённое образа состояние – иконоборчество. Иконоборчество самое не прикрытое. Или же перед нами – образный предел состояния про-светления твари светом нетварным, явленного символически светом живописи... перед нами – живо-писан предел возможного человеческого во-ображения, от-кровения в себе дарованного образа, предел уподобления Богу. Во свете Тьмой – узрим Свет! Узрим воочию. Одейся светом, яко ризою, - существо Бога невидимого про – является к нам не по нашему достоинству, но по благо-волею Господнему - про-является. И мы, приуготовляя себя к приобщению – молим о совлечении своих ветхих риз, к от-кровению, об-нажению от ветхого человека перед Богом, раз-облачаемся от кожи адамовой, обалаясь во Христа, да не опалимся недостойные, принимая огонь внутрь, облачённые грехом. Милостью Господней – неопально причащается Бога отцветающая трава, пропускающая сквозь себя дух ускользающих дней. Трепеща – не опалается оле страшного таинства, яко воск и яко трава...

В конце – концов рассуждения о живописном образе сводятся к вещам очень простым: воспринимается ли эта живопись сердцем верующим Богу или же сердцем, устраняющимся от своего Творца, сердцем, сочувствующим открывающемуся через образ свету, либо сердцем, заслоняющимся от него... Вновь и вновь опасаемся, сторонимся фантазий, удаляемся от подмены мнительными чувственными «фантазмами» реального духовного со-бытия. И смиренно, осторожно ободряем себя евангелием: имеющий очи – да видит. А не имеющий? Говорит о том, что не видано, не ведомо, свидетельствуя о свете – глаголет о тьме в очах своих. Безусловно, предельна эта живопись, но, как видится, - предельна в зовущей человека духовной высоте, в Божественности, призывающей человечность, привлекающей всецело к себе человека евангельским притяжением: сыне, дай мне своё сердце. От-чаяние ли в мире, в жизни - прочтём в этих образах? От-чаяние... - что в контексте нашего рассуждения о символе об-наружим для себя в этом слове? Пропеваем соборне перед причащением на вершине общего молитвенного делания, проговариваем в самом уединённом молитвословии: «...чаю воскресения мертвых и жизни

будущего века...» - в чаянии этом отнюдь не отрицаем века нынешнего в который погружены и есьмы, и милостью Божией здравствуем, уповаем о непостыдном, мирном исшествии из жизни, исходим – умираем когда-то, упокаиваясь, и до самого разрешения от жизни земной - не от-чаиваем-ся в этом веке о веке будущем. Продолжаем жить, уведав высоты, дарованные нам образом Божиим, высоты, феофановой кистью - раскрытые нам. Распознаем ли в этих высотах пре-небрежение к обыденному? – разве только если наше обыденное – обступает нас, затворяет вежды плотными шорами «презренной прозы», не позволяет нам разглядеть ничто иное помимо своей обстоятельности, помимо грустного своего затворения от образа. Образ сам воз-никает перед нами, во благовремени... Теперь вот – во фресках новограда, пусть бы и одним только воспоминанием о них, запечатлившем-ся в нас, - призывно выстраивает собирающую вертикаль в нашем естестве, вертикаль религиозной нераздельности с Творцом. В состоянии противления образу, борения с образом запечатление им станет едва ли цельбоносным, но более похожим на болезненную, ноющую глубокую рану, притягательный зов – услышится повреждённым чувствилищем, как голос чуждый, влекущий в даль и высоту нежеланную нашей разнузданной свободе. И свет, самый чистый и пронзительный свет образа, будет обжигающим – настолько, сколь мы сами удалены от него. И очи ликов перед нами, образы стяжавших в себе этот свет, - очи, не наполненные тьмою кромешной, тьмою неведения, забвения Бога или само-забвения, Бого-отрицания и отрицания самого себя в Боге, – очи, изжившие из себя мрак, не вместившие в себя этой тьмы - будут от-чуждены от нас, враждебны, не при-ятны нам. И как возможно увидеть неподобное Богу в раскрывающемся свете? – одною лишь собственной извращающей нечистотой, собственным грехом, личным судействующим и неправосудным мерилом. Грех, встречающий свет темнотою сердца своего и помышляет о свете, как о тьме, внешней для себя. Грех, прикасающийся к свету, ослепляется им всё более и более. Или же так - выжигается в нас наше неведение, изживается греховная тьма? Дерзаем к рассуждениям о свете, совершенно не зная его, уповаем, не ведая. И есть ли что общее между светом и нашей рассуждающей тьмою? Есть ли некое поле взаимных проникновений в этих от-влечённых рас-суждениях, об-суждениях, - поле примирений, пространство для компромисса, на котором можно бы воскликнуть о свете, что он немножечко – тьма... а наша безусловная тьма, в которой селится немножечко света... - этакий сокровенно мерцающий Божий образ. Да удалимся подобного безумствования, в котором, как представляется, - сердцевина греха хулы на Духа Святого, которая уже не простится нам ни в сем веке ни в будущем. Плачь в удалении от света, ослеплённость, слепорождённость во тьме своей – несомненно, веруем так! – покроется милостью Господней в избытке. Но компромисс – не будет прощён. Не позволяет евангелие поддаваться нам, следовать в неподобное, двоесердое состояние и упокаиваться в нём. В начале было Слово - Свет человек, - и не омрачим этого Света своим непониманием, своей от-странённостью, грехом своего рассуждающего неведения...

И вновь – дерзаем извести из себя, из личного понимания, – суждение, как некую экзегезу, рас-суждение, изъяснение, изъяснение природы образа, увиденного, услышанного, познанной нашим существом. Познавая свет, да не назовём его тьмою из помрачённости нашей, да не вознесём на него хулу личного неведения. Ис-толкуем, возведём некий толк, понимание, возможность принять, обнять, впустить в себя через падший свой разум и необученные чувства, расстроенных, неотзывчивых Божьим перстам струн души – впустить в себя перво-образ, проявляющийся к нам через видимое из-

ображение. Впустить в себя, принять к себе, изъять, известить в слове о том, что у-ведано, что вос-принято. Обжигают светоносные иконы Феофана, буквально испепеляют чуждое, являясь чуждыми для от-чуждённого, для всякой тьмы, всякого греха, своевольно от-чуждающего-себя. Как Сам Господь – чужд чуждающихся Его, не воспринимает противящихся, не приклоняет неба к ним, не сходит к ним Своими стопами, не рас-пространяет Себя к противящимся, не преклоняет уха к молчащим и не презирает на отвращающихся. Обращения к нам образов, когда мы сами открываемся, обращаясь к ним – и будут про-образовывать обращение Божие. Отвращающихся – обожгут эти взоры, опалят эти лики, сминая – сотрут и сметут эти образы, выжгут до тла и пыли. Конечно же, предельные состояния запечатлены этой живописью, - предельные и необычные – необыкновенные, не встретить подобного в об-стоящих нас об-стоятельствах. Нет ничего обыденного в этих образах, нет привычной духовной расслабленности, нет художественного потакания, по-вторения, от-ражения падшему без-образию, нет подмены духовных высот красивыми переливами и пропастями душевных теснин. Нет сладостно – слащавого, ложно – елейного умиления, нет благоговейнообразного, удовлетворённого, удовлетворённого, упокоенного, духовно изнеженного и духовно непробудного образного перед нами пребывания. Образы буквально скребут души, выскребают из патины греха образы Бога, запечатлённые в нас, воз-буждают к уподоблению Первообразу. О-бодряют, освежают призывные эти, духовно воительствующие образы. Кто же тут, каковой ис-следователь, побывавший внутри этого образного пространства, экзегетствуя о нём, может про-изнести что-либо о чувстве от-чаяния, без-надёжности пред недостижимой про-явленной высотой. Единственно, - человек, от-чаявшийся сам, намеренно пестующий своими рассудочными научными эскападами это от-чаяние в нас, раз-уверивший-ся, либо совсем уж далёкий, приневоленный ли - сознательный слуга тьмы, не терпящий света сам и пре-подающий это нетерпение, эту неприязнь перед образом – нам с вами. Воспротивимся же, насколько возможно. Отче Феофане, помоги! Ты сделал так много для нашего вразумления, для стойкости неотступной. Так много и искренне – сделал для нашего воз-горания к Богу пред свечением этих образов. Опалены этим светом, благодарим тебя, мастер, припадаем благоговейно вместе с тобою перед твоими дивными, удивительными, путеводными творениями – к Тому, Кто тобою так несомненно, так неотъемлемо и глубоко вос-принят и познан.

Обратимся же к личным суждениям, благодарно используя имеющиеся исследования, попытаемся синтезировать некие выводы, близкие своему восприятию из того, что проанализировано не нами, - не станем присваивать себе чужих аналитических трудов. Рассмотрена эта живопись в мельчайших деталях и сведена невольными ли, злонамеренными умозаключениями в чуждый нам концепт. Постараемся же высвободиться от него, высвободить и саму живопись, словно бы из под очерняющих её поздних записей, плохописей, угождающей некоей временной моде на мировоззрение воинствующего «афеизма».

Ввергнемся ли, рассуждая, в незримую и нестихающую брань за иконопочитание, отстаивание писаний святого Григория, за церковь, торжествующую Православием – перед фресками Феофана, вознося свои помышления к ней, как действенное разящее оружие в этой битве... в личном, внешне безкровном, противостоянии... Не возраст человека определяет зрелость его - вспоминаем Христа – юношу, проповедующего мудрецам в

Иерусалимском храме. Обратимся к противостоянию мнений от личного незначительного опыта, давно перешагнув возрастной рубж создателя фресок, возраст исследователей, судивших о них спустя столетия... На этом кратком отрезке жизненного пути в любой момент человека может каснуться Бог: и в юности ранней, в зрелости, на смертном одре... Может и не коснуться вовсе. Сможем ли мы довериться этому прикосновению, не оттолкнём ли его от личного страха, робости, от неприготовленной к встрече... Рассудим в меру дарованных к тому сил. Есть ли явственное воскипание человеческих чувств перед этими фресками – некое ложное, удалённое от Истины, искусственное разгорячение души, не имеющее ничего общего с живым прикосновением к действенному и живому образу Бога, к Самому Богу через Его образ. Внецерковные исследователи склонны называть это соприкосновение – магией, рассматривая его со стороны, не участвуя в нём. Магия, мистика. Так мы, например, могли бы говорить о некоем, скажем, действовании шамана, не вовлекаясь в это действие. Мы могли бы, например, смотреть за камланиями с любопытством и даже с душевным волнением – следить отнюдь не разделяя его энтузиазма, разбирая и рассуждая о них, не со-участвуя в действовании, не со-чувствуя им, - но рассуждать и даже восхищаться некоей своей чувствительной поверхностью, не допуская эти чувства с к глубинам своим. Иной вопрос, возможно ли оградиться от прямых духовных воздействий, присутствуя при действенном стяжании бесовских энергий. Можно ли оградиться вполне от действования образа Божиего, находясь перед ним, пытаюсь рассуждать отстранённо... Не есть ли некое разгорячение, воскипание души, пробуждающееся и осязаемое перед этими фресками – не есть ли это открывающееся в нас, доступное нам – опаматывание души, ликующей в нас о пробуждении образа Божьего, ответствующей в нас на действенное прикосновение Первообраза. По вере нашей – открываются покровы внутренних чувстителей, взывают чувства к Невидимому. Это ли – помрачённая самонадеянность – мрак, затемняющий чистоту рассуждения? Уже ли так, уже ли к помрачению человеков создавались Феофаном эти иконы, эти пространства, объёмлющие и вмещающие литургию и собор молящихся. Уже ли для каких-то других людей структурировано и живописно раскрыто это образное пространство. Уже ли для неких иных, отличных от нас, умов – отстроена логика этой живописной программы... Да не будет такового и в мыслях наших. Тот же человек пред Богом, быть может более груб, более помрачён, мелочен, приземлён, распластан во прахе земном, ползок в неведении, в измельчённости иссушенности души, развеян бурными ненадлежащими делами, растащен по частичкам мелочными своими заботами, не может собраться в целостности человеческих составов, «не может согреться слезами, яже к Тебе любви»... Не может... И Господь Сам помогает нам, открывая Свои образы: образы Его в нас, воспринимающие Его... образы Его предлежащие нам к восприятию. Едва не погублены людьми эти образы, сокрыты до времени – до нашего времени – под поздней штукатуркой. Открывает Господь предлежащие нам образы, написанные в веке 14-м, более, чем за 600 лет до нашего существования в веке сем.

Возможная нынче полнота прикосновения к наследию мастера – ко фрескам Преображенского храма, пред которыми и размышляем теперь. Этих образов не вместить суетной нашей душе. Может быть Господь и не дозволяет нам ведения, которого мы понести теперь не в силах. Малое откровение – да не повредимся большим, да не ослепнем, не онемеем, опалённые от неприемлемой теперь полноты. Отсюда и утраты, и малая толика сохранившейся живописи – вполне достаточная для некоего опаматывания, для откровения

чувств к уверению, научению и поелико возможно - достойному продолжению земного шествования с воспринятым в сердце открытием - на пути в Вечность.

Образ Божий словно бы вкрадчиво пробирается, подступает непосредственно к нам в предельную близость, осторожно проникает в нас сквозь видимую завесу обступающих нестроений, когда одевшемуся в зорю во всём окружающем не видно и признаков Божьего со-присутствия. По отдельным чудесным явлениям промысла Господнего в нашей жизни мы, в лучшем случае, «как в мутном стекле, гадательно» допускаем существование Источника всяческих благ, с великим трудом распознавая образ Божий в себе, угадывая его в ближних. И вдруг в экспрессии фресок Феофана образ явственно про-являет себя, ошеломляюще, - словно бы наотмашь палицею духовной – по шелому нашего за-щитного нечувствия, разящим и не от-разимым копием света - сквозь одевшую радужную оболочку глаз, в панцырь роговцы покровы нашей души, навывлет хитинового покровы нашего духа, усопшего до скончания человеческого естества. Пронзительно, навывлет сквозь покровы и защиты – прямо в сердцевину нашего внутреннего, прикровенного человека – этот пламенный образ. Проникая в душевным глубинам, воинствующий образ берedit изнутри, тормозит, отряса духовное нечувствование и, вместе с тем, нежно, но неотвратимо – растворяется во всю свою духовную ширь, словно бы Царские Врата прямо перед нашими глазами.

Обжигающая, разящая красота, - выжжет ли, испепелит ли она грех. Ничто нечистое не внидет в Царство Господнее. Упреждая намеченную канву рассуждений, упомянем о Преображении Христовом, коему посвящён храм и выстроена монументальная образность его росписи. Не к тому ли явлен образ Преображения, дабы изживать всяческую нечистоту ввиду Бога, открывающегося нам в невыносимой близости. Образ Преображения как нельзя ярок, внятен, по-казателен, - некая высшая точка созерцания Христа, внезапно явившего Себя в излинии Божественной сущности апостолам – готовым ли к этому от-кровению. Не могут апостолы спокойно видеть, рассматривать это, не в силах чувственными своими глазами, сжавшимися, будто бы от боли зрачками своих очей вос-принять преображённого Христа, - падают на землю и будто бы судорогой сжимаются, почти скрючиваются на ней, затворяют ладонями вежды. На некоторых иконах Преображения можно рассмотреть, как апостол слегка лишь приоткрывает щёлочку между пальцев рук – для одного из своих глаз, но смотрит при этом в сторону от Спасителя... чтобы хоть бы краешком зрения допустить к себе даже не прямой свет, но хоть бы малый его отблеск. Лишь в таковой малой мере может апостол вос-принять «белый как снег» свет преобразившегося Христа и исторгнуть из себя: «Господи! Хорошо нам здесь быть!» Это ли корчится первородный грех, изнывает во свете приобретённая произвольная греховность... Мог ли кто из присутствовавших апостолов сказать тогда, подобно праведному Иову: «первородный грех на мне, иного – нет». Вот и страдает, мучается грех. Ничто нечистое не войдёт! – и явственно испепеляется нечистота светом Христовым. Запечатлён ли в образах Феофана именно этот свет Преображения. Возьмёмся сказать: непременно, очевидно, что запечатлён и – воздействует как бы светом вторичным. Словно бы между пальцами апостолов просачивается этот нестерпимый нам свет – от образов Феофана. Конечно же, изображённое и происходящее здесь не назовём самым благодатным светом, здесь – личное религиозно гениальное свидетельство мастера о свете, перед нами образ – окно, выпускающее, будто бы благорастворённый воздух, влекущее, ободряющее нас во Свет неприкосновенный,

опалаяющий. Воспримем это так – и убоимся, а убоявшись – воспрянем, восприняв свой страх, пусть как некое начало, самый малый проблеск, искомый, не обретаемый более нигде. Слишком затуманен этот свет, слишком вторичен в привычном искусстве, тем паче произведениях секулярных. Здесь же в искусстве опытным, несомненно духовном, более, чем психологическом и экстатичном, свет образно про-изливает сам себя. И невозможно уже разделять его, либо уводить от себя в сторону, поминая и прослеживая одни лишь составляющие изображения этого света, технологии, исторические параллели и обстоятельства, эстетические взаимосвязи и аллюзии, технические обоснования и прочие искусствоведческие эскапады. Ведение света лежит за пределами ведения искусства. Изнутри религии искусство не отвлечено от сущности, но есть способ передачи непередаваемого. В том и задача искусства внутри религиозной связи с Творцом – истончение видимой перепоночки между миром и Богом. Вот эти формы, отображающие, изливающийся свет и есть истончившаяся гением Феофана и благоволением Господним – ставшая прозрачной преграда, перегородка между Богом и Его миром, между творящим Богом и со-творяющим Ему свободным человеком.

Наука, изучающая иконопись зачастую занята совершенно вторичным по отношению к назначению образа, - преимущественно вариантами атрибуции: авторство, время создания, исторический контекст, событийная канва, сюжет, текстовые обоснования в Писании, причинно – следственные связи появления этого сюжета в конкретной иконописи, технологические нюансы написания... Меньше наука связана с богословским осмыслением и экзегетикой образа, с иконо-логией. Ещё меньше – с человеком, для которого и ввиду которого создавался образ. Не с человеком вообще, но с конкретным молящимся и предстоящим человеком, например, со мною лично... и да не станет это звучать, как некое самонадеянное обольщение: Феофан писал для меня и для прочих – тоже, как для меня самого. Но именно такое обращение позволяет прожить и изнести из прожитого – опыт личного со-участия с образотворчеством мастера, вне которого само образотворчество – исчерпывается одной лишь внешней формой. Практически не встретить в научном дискурсе изучения религиозной живописи даже какого - либо упоминания вопросов духовно – психологических, психолого – соматических (простите некоторую физиологичность этого словоупотребления). Сама религиозность как проявление сущностной связи Творца и твари – выводится из рассмотрения, религиозность живописи обозначается терминологически, но устраняется от рассмотрения и рассуждения о ней. Словно бы остерегается чистая искусство-ведческая мысль некоего замутнения ложными духовными спекуляциями – и вовсе не берёт их в расчёт. При чистом от религии научном рассмотрении образа Божьего детальнейше препарируется эстетика, привлекаются аналогии, допускаются аллюзии, фантазии, приводятся доводы и домыслы, зачастую совсем уж без учёта того, для чего, собственно, создавался образ и того, как он должен бы «работать» внутри литургии, в обрамлении литургического действия. Меньше всего связана наука рассмотрения образа с молящимся человеком, с воздействием образа на личность, на собор молящихся. Посторонняя к практической религии исследовательская мысль оставляет, как чуждую себе оласть научного рассмотрения сугубо частные отношения Бога и автора живописи, роль человека – личности, создающей образ во взаимосвязи с Творцом - это предметы совсем чуждые научному осознанию, - износятся за периферию общепринятых «рукопожатных» исследований. Иная крайность, чуждая нам – некая сугубо «религиозная» душевная сусаль суждений, восторженных и нестерпимо,

недопустимо поверхностных, не касающихся глубин, - оправдывают и утверждают личной религией собственную пустоту, тягостное бряцание мысли, не проникающей в глубь образа. И мы, конечно же, не посягнём на сокровенное от нас. Отношение Бога и личности перед ликом образа Божиего, казалось бы, уж совершенно потаённые процессы, которые на поверхность обсуждения, рассматривания даже – и выносить не прилично. Следуя таковой ложно «стыдливой» канве рассуждения об образе Бога вообще, о живописи Феофана, о росписи Преображенского храма в частности, мы себя значительно обезоруживаем, оскопляем свои суждения, выносим их в некую плоскость, лишённую вертикали духовных взаимоотношений Бога и твари, на которую должна бы настроить человека духовная живопись, к созиданию этой вертикали, этакое личного духовного столпа и творится икона. Образная вертикаль духовных взаимоотношений Творца и творения выходит за пределы исторического контекста и вопросов научных атрибуций изображения временем, авторством, нюансами эстетики, вопросами стилистики, техники, персональной манеры письма... Духовная вертикаль конкретного образа, словно бы некая лестница, утверждённая на земле и в небе – пребывает в несомненной само-стоятельности, вне непреложных взаимо-связей с иными современными и близ-лежащими образами, созданными в иных храмах. И, вместе с тем, духовные пространственные «столпы» образов формируют в своей соборной совокупности особенное и целостное н-ное - духовное измерение, пространственную область Святой Руси, составляют единый святорусский духовный храм на земле вне определённых времён под небом Духа Святаго. Представляется важным при рассмотрении храмового убранства проследить общий настрой, общую Богословско - художественную, симфонию, со-гласие, со-звучие живописного обрамления и литургии, увидеть образ, как художественную составляющую Богослужения, общей молитвы. Рассмотреть то, как общее литургическое делание поддерживается и художественно организуется живописью, составляет единый пространственный молитвенно – художественный из-образительный космос, живописный архитектурный ансамбль, произведённый литургией и настроенный на литургию. Общее делание соборной молитвы, в результате которой соборно молящиеся приемлют Христа, - источник и цель этой живописи, то, ради чего она создаётся в храме, ради чего она - издревле - дошла к нам.

Что же, собственно, не устраивает в научном подходе к изучению феофановых образов? Уже ли сама научность не даёт упокоения взыскующей душе? Но что есть эта научность в ведении искусства – не череда ли интуитивных проникновений, чувственных обоснований, зиждящихся на личном опыте общения с образом и будто бы стыдящихся самих себя, когда чувственность боится себя обнаружить, признаться, когда интуиция хочет быть, не из горделивой ли похоти древнего шёпота «будете яко бози», - вновь соблазнённая, - алчет стать научным заключением ума, интуицией научной, тогда как она таковой является не вполне, тем более, когда речь течёт об исследованиях неведомого Пра-образа, Перво-образа, то есть, собственно, области невидимого, неисследимого предмета веры. Отверзаясь от веры, какую уж может стать наука, кроме внешней, отчуждённой от Бога, об-особленной, само-оскоплённой, лишённой самого органа восприятия из-ображаемого предмета. И сможем ли мы вооюще именовать наукой дерзновение к познанию образа, - перед нами, скорее, введение в таинство – мистагогия, тайноводство к образу. Отринув мистичность неизбежно дишим себя деятельного продвигающего нас познания и станем топтаться на месте, утверждая неведение в себе и вокруг под собою. Научное познание

образа делает свои выводы, зачастую, весьма приблизительно, иссушает саму себя поисками некоей чистоты исследования, намеренно сторонится, уклоняется откровения и устыжаясь откровенности, становится и сухой и безвкусной, от-вратительной от образа, соблазнительной. Так вольно или невольно - послушно ли исполняется пред-указанный к осуществлению наукой заказ – установка на то, чтобы преломить силу копия своего художественно-научного красноречия и интуиции на уничтожение, выхолащивание, обезжизнивание образа, либо к нарочитому уводу всякого интересующегося, всякого любопытствующего - с пути постижения образа, как насущной человеческой задачи. Образотворчество и начатки со-творчества Богоискателя перед иконой сводятся к задаче утилитарной, научной игры постижениями содержимого образа без апелляции и самой постановки цели личного приближения к образу и проникновения в него. Рассуждать об образе, будто бы он никуда не ведёт – всё равно, что рассуждать о холсте в камерке Папы Карло, не имея в виду того, что с обратной стороны холста есть дверь, должен быть найден ключ и за отпертой дверью нас ожидает долгий путь к неведомому, но открывающемуся по мере приближения – Царству Господнему. Пользуемся допущенным наивным, детским сравнением и продолжаем сокрушаться: наука об образе Божьем, похоже, всё более склонна рассуждать об изображённом огне, котелке, качестве холста, атрибуции авторства и времени, - более, чем о том, на что указывает изображение, каковы ожидают опасности и что неведомое таится за прохождением пути после отпывания двери. Отвлечённое и заключённое в области рассудка исследование об изображении не пред-полагает сущностного проникновения в него. Не вполне удачное сравнение, признаем это, совсем не удачное в своей простоте. Сказочный холст в камерке не указывал ни на что, но лишь упрятывал собой сказочный ход. Холст в камерке – совсем не образ, но, напротив, - пример сокрытия образа и дальнейшего ведущего нас пути. В иконе же мы имеем не то, чтобы указание, но собственно, раскрывающийся перед нами образ пути, впускающий, приемлющий, направляющий, веющий пред-ощущением и осознанием, деятельным проживанием встречного движения Бога – к нам. В образе – иконе сокровенное – раскрывается перед нами всё более, и чем более предстоящий образу – сам раскрывает ему своё вместилище сокровищ. Так не позволим же себе рассуждать об образе, как о холсте – плоскости, прогрунтованной, мастерски покрытой красками, талантливыми изображениями, об изображении-плоскости о которой можно лишь рассуждать, не пытаюсь проследовать по её наущению, продвинуться по пути намечаемом и открываемом образом. Образ – окно совершенно реального общения, осязаемого и непознаваемого при этом. Это место встречи человека и Бога, точнее бы сказать – одно из мест. Встречи возможны где угодно, ибо где хочет – дышит Дух. Иное дело – воссоединение с Богом – Христом. Это таинство и есть самая сердцевина Церкви. И это воссоединение происходит, как правило, ввиду икон, в обрамлении, в окружении образов, - в среде - соборе образов живых, вочеловеченных и образов живописанных. Заметим о невозможности причастия Бога в некоем крайне уединённом без-образном состоянии, один на Один. Икона не восполнит человеческого уединения, не подменит собою образов живых. И окружив себя изображениями – иконами – не удостоишься причастия, - плода общего пред богом соборного церковного предстояния, разве что на смертном одре – от Дара Преждеосвящённого соборне. Об этом рассуждали неоднократно и прочитывали прежде. Этому хочется и следовать возможно увереннее. Тем более, здесь, вблизи образов Феофановой кисти, где образ – окно растворяется так явственно, вызывая к себе, впуская в себя, настраивает собою и человеческое уединение, и соборность. Таков образ: чем ярче,

чище, талантливее, - допустим себе здесь это слово, - выполнен он – тем более благоволения Господнего было на его исполнителя, на обстоятельствах его воплощения. Не мерою даётся Богом благодатное благоволение к творчеству, но распространяется чрез пространства и времена, за пределы храмовых стен это благоволение Божие неведомым образом и к нам, пытающимся распознать себя перед ним.

Итак, самой Церковью вымолено допущено нам, а мы через Церковь - допускаемся несомненно - к великой радости обретения Бога через символ Его, торжествующий, великолепно торжествующий. Через великую утверждающую путеводящую радость Торжества Православия, Православия торжествующего, триумфально шествующего в восприятии Бога – вливаемся своею жизнью в ликующее течение Церкви. Сам Господь – ликует Своими образами в этом воспринимающем Его Торжестве Своей Церкви. Разделим же с нашей Церковью, с моею Церковью, эту радость, усилимся принять и вместить её, возделаем эту радость в себе, во всех составах своих. И не дерзнём же противостать ей своими сомнениями, псевдоблагочестивыми настороженностями, да не впадём ни в манихейство, ни в гностицизм, - доверимся своей Церкви, ликующей и торжествующей в восприятии символа, как посредника, проводника к Богу, доверимся опытному разумению Церкви, допустившему возможность воспринять и Самого Бога по мере того, как Бог пожелает открыть Себя нам, мне, грешному. Подобно ковчегу спасения, храм не воспринимает в себя внешний свет, словно бы закупорен от проникновения погибельных вод, но, Господи, как активно, интенсивно, неотвратимо, невыносимо-ярко наполняется изнутри себя самого светом иной природы, освещается изнутри через живописанный, украшенный образ.

Усилимся удержаться на пути Богообщения, не на одном лишь помышлении о возможности его, но в реально, деятельно и энергично открывающемся нам Богообщении, не умозрительной, от-влечённой от нас категории. Усилимся распознавать сущностное проникновение Бога к нам не только лишь в символе зрительном, словесном, озвученном, воплощённом в форме, - но во всей совокупности символических проявлений вокруг. Замечательно ободрит нас в этом занятии мудрое писание Николая Сербского о символах и сигналах. Но, не отвлечёмся от предмета наших размышлений, от фрескового ансамбля Феофана, попробуем распознавать символы и сигналы Богооткровения в образах живописных, по возможности, не удаляя себя от деятельной литургии. Понимаем, что Богопознание не есть процесс отвлечённого размышления либо эстетического любования. Отвлечённое Богомыслие и любование могут увести от Самого Бога. Энергии откровения Бога о Самом Себе, - неизменно сложно, вообще невозможно отстранённо рассуждать об этом, - изливаются вне зависимости от наших размышлений и любований, распространяются путями Господними, неисповедимыми - помимо обычных человеческих процессов и душевных движений, хотя, быть может, и связаны с ними совсем непосредственно и проявляются через эту непосредственную связь. Ни размышлениями, ни любованиями – не привлекается и не принуждается Бог, но даёт Себя распознать – человеку, познать неисследимыми путями и явственными проявлениями Своего образа. Через проявление столь откровенное, столь яркое, экспрессивное, драматичное, как мы распознаём теперь это в живописи Феофана. Сердце человека не устроено ли, как некий орган, наделенный способностью чистотою своею распознавать предельную чистоту сотворённого мира - свет первого дня творения. Но эта способность

сердца в человеческой падшести – предмет нашего молитвенного воспоминания и прошений о чистоте сердечной, зиждящейся Господом. Предмет моления за правилом ежедневным и непрестанным.

Стала ли задача познания Бога существом человеческим и обществом сколь-нибудь более архаичной, вторичной сейчас, в эпоху торжествующего и обильно плодоносящего рационализма, менее острой, чем тысячу лет тому... Пожалуй, в той мере, относительно которой человечество утрачивает своё истинное предназначение, выходящее за рамки пространства этого мира. Если человек – человеческое общество отмеряет и о-пределивает свою целью мир видимый и реальность, окружающую его и видимую почитает единственно сущей реальностью, то, безусловно, в этой реальности нет места познанию несуществующего Бога. Если же человек видит, мыслит и осознаёт себя шире, либо Самим Господом при-открывается эта широта и высь человеку, то в этих приоткрывшихся пространствах само-осознания перед Богом, в открывающейся полноте проживания - отзывается иное человеческое пред-назначение, дивно сформулированное отцом Серафимом Саровским, как цель течения христианской жизни – в стяжании Духа Святого Божиего. Православие торжествует в почитании образов этого жизненного течения в первое же Воскресение Великого поста на пути к Пасхе. Почитание образа в церковной полноте отзывается согласием, сочувствием, соучастием. Стяжание Бога невообразимого, но вочеловеченного и близкого, приятие Христа в Его воскрешающей Вечной Жизни – становится единственной на потребу - насущной и самой важной человеческой задачей и целью на пути в жизни временной. Прислушаемся же себе, усиливаясь прикинуть к познаваемой цели – Христу, присмотримся к символам – откровенным образам, восчувствуем свою Цель - Христа, как истинно и единственно важную для себя, попробуем найти, обрести личный внутри церкви и в её течении - путь к уразумению, к восприятию, к овладению собой пре-данию себя своей Цели, расчистим пути Господа к себе на встречу. К этому воззывал и доселе вопиет глас Иоанна, ангела пустыни. Представляется, что у нас нет иного метода (пути), нет иного способа, иного подручного материала помимо образа, помимо символа, - воспользуемся же им, сохранившимся в возможно незамутнённом виде. Не отринем образа, пришедшего, ниспосланного к нам из времён явственно и действительно - торжествующего православия, догматически утвердившего в себе Божественный закон деятельных нетварных энергий. Перед творениями Феофана – дозволим себе погрузиться в образное пространство 14 века, воспримем его, откровенное нам, не помышляя о том, что пространство это так значительно удалено от нас временем и обстоятельствами, что не имеет уже к нам прямого отношения. Не обманемся ложным помышлением. Тот же неложный, неизменный Бог проще ли открывался некогда нашим пред-шественникам. Быть может, - помышляем теперь внутри нашего течения, - быть может, чище, свободнее, ярче открывался Господь тогда, чем в веке нынешнем, в окружении всё более и более противостоящем, шумящем, хаотичном и бесчувственном... отзывался образом Бог ко взывающему человеку, жаждущему отклика. Уж воистину – пустыня вокруг, куда как более страшная пустыня, чем пустыня Иудейская – пустыня Вавилона, в которую погружены остатки малого стада, ещё надеющегося на спасение. Воспользуемся, воспользуемся же диковинно, чудесно дошедшими до нас свидетельствами - символами проникающих к нам энергий. Пусть отец Григорий Палама, пусть отче Феофан, изограф элладский, – помогут нам в этом. Молите Бога о нас, святые отцы. Не прославлен земной церковью во святых Боговидец Феофан Грек, - прославляемся

мы, вочеловеченные жизни, припадающие к образам, оживотворяемся к духовному неравнодушию, возгреваемся, о-паляемся образом и вос-паляемся чувствованием, ободряемся, утоляемся на пути - дарами его живописаний. Веруем, уверяемы увиденным, шествуя стопами своими по живописным следам мастера, – веруем в личное проникновение изографа в образ Божий. Как же иначе. Не объясним природы этого проникновения и веруем в существующую личную проникновеннейшую связь мастера Феофана с Господом, веруем, что принят раб Божий Феофан Христом в обители Свои и молит о нас, о слепорождённых, уведавших своей о слепоте перед этими образами – молит о нас, чающих прозрения. Молят отцы о нас, прокажённых в нечестивом колене своём, дрожащих в болезненной неисцельной расслабленности, словно бы у купели Овчей – у остатков живописного образа, у собираемых по малым частицам обломков монументальных фресок... у приоткрытых страниц неоценимых словесных сокровищ многоопытных бесед святителя Григория.